

История

«Шитоулинское дело»: действия русских войск в Маньчжурии в период до 1900 г.

© 2012

Д. Киселёв

Работа посвящена малоисследованной странице истории российско-китайских отношений на Дальнем Востоке. В конце XIX в. русские войска неоднократно проводили операции в районах Маньчжурии (Северо-Восточного Китая), прилегающих к границам Приамурья и Уссурийского края. Заход русских военных на территорию Китая не поощрялся командованием и мог послужить причиной возникновения серьезного пограничного инцидента. Примером такого рода может служить так называемое «Шитоулинское дело» — стычка между китайским военным отрядом и казаками Уссурийской конной сотни в верховьях р. Мулинхэ в июне 1879 г.

Ключевые слова: «Шитоулинское дело», хунхузы, русские казаки, Маньчжурия.

В первой половине XX в. Северо-Восточный Китай (Маньчжурия) неоднократно становился ареной военных действий, участницей которых в том числе была Российская империя (а позднее — СССР). Крупнейшим примером военной конфронтации в русско-китайских отношениях могут служить события 1900–1901 гг., когда в результате событий, связанных с «ихэтуанями» вся территория Маньчжурии была оккупирована русскими войсками, взявшими на себя административные функции и активно подавлявшими партизанское движение¹. Жесткая политика России в Северо-Восточном Китае нанесла серьезный ущерб отношениям двух стран и во многом предопределила трагический исход Русско-японской войны 1904–1905 гг.².

Интересно, что отдельные операции русских военных формирований на территории Маньчжурии имели место задолго до событий 1900–1901 гг. Они носили эпизодический характер и не выходили за пределы приграничных районов, однако в ряде случаев оказывали существенное влияние на развитие русско-китайских отношений. Данная проблема до сих пор не получила должного освещения в отечественной исторической литературе. Пожалуй, единственным исключением является работа В.Г. Дацышена «Очерки истории российско-китайской границы во 2-й половине XIX — начале XX вв.»³.

Киселёв Дмитрий Викторович — китаевед, выпускник Дальневосточного госуниверситета (Владивосток). Тел.: (903) 742-47-55. E-mail: leeleepoot@mail.ru, henry.james1888@gmail.com.

Появление русских военных отрядов на сопредельной китайской территории было связано с проблемой *хунхузничества* — организованного бандитизма, широко распространенного в Маньчжурии и на русском Дальнем Востоке в XIX в.⁴ Особенно резкий рост преступности в Северо-Восточном Китае наблюдался в конце 1850 — начале 1860-х гг. и был обусловлен мобилизацией всех правительственных сил на борьбу с Тайпинским восстанием и иностранной интервенцией. Эти процессы совпали с разграничением России и Китая по условиям Айгунского (1858 г.) и Пекинского (1860 г.) договоров. Формирующаяся администрация Уссурийского края не обладала достаточными силами для борьбы с хорошо организованным *хунхузничеством*. Достаточно сказать, что численность личного состава полевых команд — основного инструмента охраны границы — по штатам 1865 г. едва превышала 700 чел. При этом последние размещались на огромной территории от Амурского лимана до залива Посыет⁵. В этих условиях линия границы, отделявшей Уссурийский край от Маньчжурии, долгие годы была фактически лишена военного прикрытия — причем как с российской, так и с китайской стороны⁶. Пользуясь этим, банды *хунхузов* постоянно пересекали границу, действуя на территории обеих стран. Как в Маньчжурии, так и в Уссурийском крае основным объектом преступной деятельности *хунхузов* было китайское население, занимавшееся сельским хозяйством и высокодоходными промыслами (промысел морской капусты, сбор грибов и лекарственных растений, охота и т.п.)⁷. На момент подписания Пекинского договора 1860 г. численность китайцев, проживавших в новых владениях России (т.н. *манз*), приближалась к 10 тыс. чел.⁸ Кроме того, Уссурийский край привлекал *хунхузов* наличием россыпных месторождений золота, пригодных для кустарной разработки.⁹

Как правило, «вылазки» русских военных отрядов на сопредельную территорию Маньчжурии происходили на участке границы от оз. Ханка до р. Тумэньцзян (Туманган). Именно здесь пролегал традиционный путь миграции *хунхузских* шаек. Подобная ситуация исторически сложилась в силу нескольких причин. Во-первых, именно в южной части Уссурийского края была сосредоточена основная масса его китайского населения. Последнее поддерживало деловые связи с такими торговыми центрами Маньчжурии, как Хуньчунь и Нингута¹⁰, и использовало для этого многочисленные дороги и таежные тропы, ведущие на китайскую территорию. Этими путями охотно пользовались и *хунхузы*. Во-вторых, в первые годы после присоединения Уссурийского края к России, южный участок его сухопутной границы не имел системы пограничных караулов, подобной той, что была организована вдоль р. Усури к северу от оз. Ханка. В период с 1858 по 1862 гг. там возникло 23 казачьих станицы с населением около 5 тыс. чел.¹¹ К сожалению, в силу недостаточного знакомства с условиями присоединяемого края, этот кордон был устроен не эффективно, «как раз против пустырей, откуда нельзя было ожидать никаких покушений на нашу границу»¹². К югу от оз. Ханка, где происходил наиболее интенсивный пограничный обмен, были расквартированы малочисленные пехотные контингенты, не имевшие возможности бороться с мобильными *хунхузскими* шайками. Фактически охрану южного участка границы Уссурийского края номинально обеспечивали два поста — в селении Камень-Рыболов (оз. Ханка) и в районе залива Посыет¹³. Весной 1868 г. отсутствие надежного прикрытия границы Южно-Уссурийского края привело к тому, что рассеянные в ходе т.н. «Манзовской войны» отряды китайских повстанцев смогли не только беспрепятственно уйти на территорию Маньчжурии, но и увели с собой 10 возов с награбленным¹⁴. С учетом этого урока в 1869 г. было учреждено Южно-Уссурийское пограничное комиссарство со штаб-квартирой в урочище Новокиевском¹⁵. Там же были дислоцированы два Восточно-Сибирских линейных батальона и одна артиллерийская батарея, имевшие своей задачей охрану границы с Маньчжурией¹⁶. Поскольку для борьбы с *хунхузами* требовались конные части, в том же 1869 г. была сформирована Уссурийская конная казачья сотня¹⁷. Ее силы также были ограничены, что видно из следующего свидетельства: «Уссурийская конная сотня, составляющая охрану нашей границы, состо-

ит из 131 всадника, занимает район до 600 верст в длину границы и расположена следующим образом: в с. Турьем Роге стоит пост из 10 человек; пройдя 200 верст по границе, на посту Суйфунском находится отряд из 20 человек; затем, на протяжении до 250 верст до караула Хунчунского опять пусто, на карауле Хунчунском 15 человек, через 25 верст расположен караул Корейский — 10 человек. Есть еще караул Монгугайский — 11 человек, но тот удален от границы. Остальные два взвода составляют резерв части, в п. Камень-Рыболов»¹⁸. В силу этого тактика сотни может быть охарактеризована, как «спорадические действия незначительных войсковых сил, вызванных для преследования *хунхузов* после совершенных ими набегов»¹⁹. Впоследствии число конных казачьих соединений в Уссурийском крае было увеличено. В 1880 г. их было уже четыре. Согласно докладу военного министра было постановлено развернуть их в дивизионы «с назначением особого штаб-офицера для общего заведывания сотнями Южно-Уссурийского края на правах полкового командира». На командира возлагалась обязанность охраны границы на протяжении 450 верст. По Высочайшему повелению от 2 сентября 1880 г.²⁰ все конные сотни Южно-Уссурийского края подчинялись начальнику штаба войск Приморской области, наделенному правами начальника дивизии²¹. Тем не менее, суть их действий по-прежнему составляла погоня за *хунхузами*, во время которой казаки нередко оказывались на территории соседнего государства. Во многом этому способствовало то обстоятельство, что государственная граница между Маньчжурией и Уссурийским краем была обозначена на бумаге гораздо лучше, чем на местности. Деревянные пограничные знаки («столбы»), установленные в 1861 г., не укреплялись вплоть до 1886 г. и успели частично разрушиться²². В условиях горно-таежной местности военные зачастую сами не замечали того, как оказывались в Китае. Тем не менее, в большинстве случаев имеет смысл говорить о сознательных действиях, предпринимавшихся с целью преследования *хунхузских* шаек на территории сопредельного государства.

Рассматриваемая проблема приобрела актуальность уже в первые годы после уссурийского разграничения. В середине 1860-х гг. в Маньчжурии возникли беспорядки, перекинувшиеся во внутренние районы страны и даже угрожавшие Пекину. Генерал-губернатор Восточной Сибири М.С. Корсаков предложил оказать помощь китайскому правительству в обмен на предоставление России торговых льгот. «Содействие это должно было заключаться в снабжении правительственных китайских войск военными материалами и даже в движении небольших наших отрядов вовнутрь Маньчжурии, в местности, наиболее угрожаемые инсургентами»²³. В ответ на это Министерство иностранных дел России в 1866 г. высказалось «о неудобствах переходов наших вооруженных отрядов на китайскую территорию». Мнение МИД получило одобрение императора Александра II²⁴. Вместе с тем, уже в 1869 г. русскому посланнику в Пекине А.Г. Влангали поручалось заявить китайскому правительству, что «если оно не примет мер к подавлению беспорядков близ наших границ, то...местное начальство вынуждено будет предпринимать поиски и вне наших пределов для уничтожения злонамеренных шаек»²⁵. Таким образом, позиция русских властей по данному вопросу с самого начала была достаточно противоречивой.

В октябре 1874 г. в Приморской области были получены сведения о скоплении большого (до 2000 чел.) числа вооруженных бродяг в верховьях реки Мурень. Допуская возможность прорыва этой «вольницы» на российскую территорию, областные власти приняли меры к усилению военного прикрытия правого берега р. Уссури. В частности, на действительную службу было вызвано 125 льготных казаков Уссурийского пешего батальона, населению станиц было дополнительно выдано оружие и боеприпасы, а для наблюдения за переправами учреждены конные разъезды и стационарные посты. Одновременно на Уссури решили выдвинуть воинские части, расквартированные в п. Камень-Рыболов: 1-ю роту 3-го Восточно-Сибирского линейного батальона и Уссурийскую конную казачью сотню. Однако уже 26 октября 1874 г. военный губернатор области донес

генерал-губернатору Восточной Сибири, что ввиду закрытия навигации указанные части могут быть выдвинуты только до линии границы. Дело в том, что при следовании походным порядком вокруг о. Ханка войскам неизбежно пришлось бы совершить 80-верстный переход по китайской территории, а это власти сочли недопустимым²⁶.

В середине 1870-х гг. деятельность *хунхузов* в Маньчжурии резко активизировалась, что заставило китайские власти в 1876 г. принимать срочные меры по их обузданию²⁷. Несмотря на это, разбойники в течение всего 1877 г. безнаказанно действовали на дороге между Нингутой и селом Никольским в Уссурийском крае. Результатом стало почти полное прекращение торговли скотом и резкое повышение цен на мясо в русских пределах. Пограничный комиссар Южно-Уссурийского края Н.Г. Матюнин в ноябре 1877 г. ездил в г. Хуньчунь и предлагал местными властям помощь в решении проблемы. Эта инициатива «не встретила сочувствия»²⁸. Вскоре появление «гастролеров» было отмечено на русской территории, в районе урочища Новокиевского и села Никольского²⁹. В начале декабря 1877 г. крупная шайка численностью до 150 чел. появилась в окрестностях с. Турий Рог. Угнав 20 голов крестьянского скота и захватив в плен трех охотников, разбойники ушли к «вершине правых притоков р. Мурени»³⁰. В погоню за *хунхузами* был немедленно отправлен взвод Уссурийской конной сотни. Убедившись в численном превосходстве *хунхузов*, командовавший им хорунжий Токмаков отправил одного из казаков за подкреплением, а сам двинулся по следу шайки. Когда разбойники достигли границы, Токмаков без колебаний принял решение продолжать преследование на китайской территории. Туда же последовал и второй взвод сотни, посланный на выручку под начальством хорунжего Павленко³¹.

Соединившись, казаки дважды атаковали шайку: в первой стычке бандиты потеряли 7 чел. убитыми и 20 ранеными, во второй — 30 и 50 чел. соответственно. Со стороны казаков были ранены хорунжий Токмаков и 3 рядовых (все остались в строю). Был отбит скот, освобождены пленники, взято 8 лошадей, много оружия и 11 седел³². По сведениям русской печати, глубина проникновения казаков на территорию Китая составила почти 100 верст! Осуществлявшему общее командование хорунжему Павленко «хорошо было известно, что они далеко за собой оставили границу и находятся в чужих пределах; но наши частные отношения с китайскими властями и их неоднократные просьбы не стеснялись переходом границы для общей пользы, так как *хунхузы* делают им еще больше вреда, чем нам, а манжурские войска их боятся, — все это его ободрило и цель была достигнута»³³.

Русские власти отнеслись к случившемуся с большим вниманием. Военный губернатор Приморской области контр-адмирал Г.Ф. Эрдман направил рапорт генерал-губернатору Восточной Сибири, Иркутск телеграфировал военному министру империи, а тот, в свою очередь, доложил о действиях уссурийцев самому Александру II³⁴. Рейд Токмакова и Павленко не получил никакого внешнеполитического резонанса: он вообще вряд ли был замечен маньчжурскими властями. Весной 1879 г. казаки вновь наведались на китайскую территорию в сопровождении пограничного комиссара Н.Г. Матюнина. На этот раз их целью был Кунигуй — опорный пункт *хунхузов* на р. Мурень, примерно в 40 верстах от с. Турий Рог. Там разбойники построили настоящую деревянную крепость со стенами четырехметровой вышины и двухъярусными башнями. Кунигуй занимала шайка численностью в 200 чел., которая незадолго до появления казаков лишилась главаря и рассеялась. По приказу Н.Г. Матюнина крепость была сожжена³⁵. Эта акция также не имела последствий, чего нельзя сказать о другом происшествии, вошедшем в историю как «Шитоулинское дело».

19 июня 1879 г. *хунхузы* совершили нападение на деревню Пуциловка, находящуюся в 30 км к западу от большого села Никольского. Было убито 8 корейских поселенцев, многие были ранены и лишились имущества. Одних лошадей бандиты угнали более 100 голов³⁶. Из Пуциловки шайка отправилась в Маньчжурию. 25 июня погранич-

ный комиссар Н.Г. Матюнин написал о случившемся правителю (*мэйрэн-джангину*) г. Нингуты. Тем временем в погоню за разбойниками устремилась Уссурийская сотня во главе с ее командиром майором Ножиным. В походе участвовали упоминавшиеся выше взводные Токмаков и Павленко, успевший получить чин сотника. Выступив из с. Камень-Рыболов 24 июня, Ножин отрядил 25 казаков во главе с Токмаковым прямым к границе, на р. Ушагоу. Этот отряд должен был следовать вдоль границы на юг и заставить шайку повернуть обратно в русские пределы³⁷. Из этого следует, что первоначально Ножин не планировал действовать на китайской территории. Токмаков не успел опередить *хунхузов*, однако узнал, что они находятся уже в 48 верстах к северо-западу от с. Алексее-Никольского. Сам Ножин прошел из Камень-Рыболова на Пуциловку, а затем соединился с Токмаковым на Суйфунском пограничном карауле. Майор собрал владельцев окрестных китайских фанз и выяснил, что шайка может скрываться только в горной местности Шитоулинцзы на территории Китая, в 80 верстах к северо-западу. Выступив на север и пройдя около 20 верст, сотня форсировала р. Суйфун³⁸ и пересекла границу. Надо полагать, удачный опыт Токмакова и Павленко в 1877 г. не оставлял у командира сотни сомнений в успехе. Численность русского отряда не превышала 70 чел. По мере следования появились проводники: один был рекомендован владельцем попавшейся фанзы, другой назвался слугой местного купца; третий пытался избежать знакомства с русскими, но подчинился силе. На следующий день (29 июня) стало попадаться то, что Ножин принял за следы шайки: пустая фанза со следами недавнего ночлега, свежие отпечатки конских копыт и т.п. Майор продолжал движение вперед, сжег один «*хунхузский* притон», однако вскоре заблудился: по его словам, проводники намерено указали ложное направление, завели отряд в лес и принялись отговариваться незнанием дороги. Вернувшись на прежнюю дорогу, казаки переправились через реку Шитоухэ и обнаружили две тропы. Одна была сильно нахожена, тогда как вторая явно образовалась недавно. По ней-то и направилась сотня. Пройдя около 5 верст, Ножин остановился и выслал разведку во главе с хорунжим Токмаковым. Вернувшись, тот доложил, что на расстоянии двух с половиной верст находится лагерь *хунхузов*, в котором видно много людей и около 200 лошадей. В час ночи 30 июня майор приказал выступать, приблизился к лагерю и на рассвете атаковал его в рассыпном строю³⁹. Хотя часовые сделали несколько выстрелов из ружей, никакого другого сопротивления сотня не встретила. В лагере поднялась суматоха, а казаки принялись действовать шашками. Внезапно Ножин «услышал голоса манджур и затем узнал несколько человек манджурского войска, в том числе офицера»⁴⁰. Осознав ошибку, майор скомандовал отступление. Видя «возбужденное состояние манджур», Ножин не стал вступать в переговоры и поспешил на Суйфунский караул, сделав за день переход в 70 верст. Потеря среди казаков не было и только четыре лошади получили легкие ранения⁴¹. Майор всерьез опасался «мщения со стороны манджур на нашем населении от понесенной ими потери» и 3 июля донес о случившемся военному губернатору Приморской области Г.Ф. Эрדману⁴². Завязалась оживленная переписка между Николаевском-на-Амуре и Иркутском. Генерал-губернатор Восточной Сибири П.А. Фредерикс распорядился командировать пограничного комиссара Южно-Уссурийского края к местным китайским властям «для разъяснения недоразумения». На местном уровне последствия ошибки военных пришлось практически в одиночку устранять Н.Г. Матюнину, проявившему в этом деле изрядную ловкость. Контр-адмирал Эрдман просил дипломата изложить китайцам обстоятельства нападения *хунхузов* на Пуциловку, объяснить нападение казаков на китайские войска «очевидной ошибкой» и «уладить это дело, по возможности, с китайскими властями, предложив им подарки». На эти цели комиссар получил 500 руб. серебром⁴³.

Встреча представителей двух стран произошла в августе 1879 г. в местечке Санчакоу⁴⁴. С китайской стороны присутствовали правитель (*мэйрэн-джангин*) Нингуты и трое чиновников более высокого ранга из города Гирина — центра провинции. В их числе

был генерал Юн Хай, в чьем ведении находились пострадавшие войска⁴⁵. Чиновники с китайской стороны сообщили Н.Г. Матюнину, что в атакованном китайском отряде было убито 24 чел., включая командира Дэ-шуня. Более 90 чел. получили ранения. По их словам, китайский отряд занимался тем же, что и русская сотня — преследовал хунхузов. Комиссар объяснил случившееся недоразумением и сообщил, что командир сотни уже отрешен от должности. Дипломат также передал собеседникам соответствующее письменное обращение⁴⁶. Очевидно, после этого чиновники попытались надавить на русского представителя, предъявив ему претензию по поводу враждебных действий русских войск в отношении мирных жителей Санчакоу, якобы имевших место 9 августа 1879 г. Позднее гиринский губернатор (*цзянцзюнь*) Мин Ань доносил в Пекин, что русский комиссар признал этот инцидент⁴⁷, но, зная характер Н.Г. Матюнина, в это трудно поверить. На второй встрече цинские чиновники напомнили дипломату о том, что Китай выплатил России компенсацию за русских, убитых во время беспорядков в Тяньцзине в 1871 г. На вопрос, какую компенсацию заплатит Россия за убитых казаками, Н.Г. Матюнин ответил, что «сеча в местности Шитоулин произошла по ошибке и невозможно приурочивать этот случай к Тянь-цинскому, где фанатики заведомо шли на преступление». После этого он заявил, что письменное извинение русского правительства уже может служить достаточным удовлетворением. Чиновники сняли требование компенсации, однако стали настойчиво требовать от комиссара засвидетельствовать число убитых и раненых. Услышав отказ, они потребовали подписать заявление о том, что Матюнин не уполномочен разрешить инцидент. Однако последний не стал этого делать. На третьем заседании комиссии дипломат сам перешел в наступление, указав чиновникам на отсутствие караулов с китайской стороны границы. Он заявил, что «до тех пор, пока у китайцев не будет выставлено достаточное число конных караулов, неизбежно следует разрешить нашим отрядам переход границы при преследовании хунхузов, ибо иначе погоня будет обыкновенно безуспешна»⁴⁸. Следует отметить, что русский посланник в Пекине обращался к цинскому двору с аналогичной просьбой еще 24 ноября 1878 г. (инициатива исходила от генерал-губернатора Восточной Сибири)⁴⁹. После этого комиссар предложил собеседникам выехать на место происшествия и, в частности, определить, насколько оно удалено от границы. По его расчетам это расстояние равнялось 10–15 верстам. Когда чиновники уклонились от предложения, Матюнин закончил заседание новым заявлением о необходимости учреждения китайских караулов и оборудования границы. На этом переговоры завершились. Вопреки ожиданиям цинских представителей Н.Г. Матюнин отнюдь не выглядел виноватым, уверенно владел инициативой и даже умудрялся диктовать условия! Самое интересное, что прямым следствием переговоров в Санчакоу стало учреждение на р. Суйфун китайского караула «из 50 солдат при офицере 5-го ранга»⁵⁰. Таким образом, китайская сторона фактически выполнила требование пограничного комиссара. Что касается пресловутых «подарков», то о них автору настоящей статьи ничего не известно. С российской стороны следствием инцидента было распоряжение и.о. генерал-губернатора Восточной Сибири генерал-лейтенанта К.Н. Шелашникова, изложенное в письме на имя военного губернатора Приморской области от 17 сентября 1879 г.: «Имею честь покорнейше просить Ваше Превосходительство строжайше предписать нашему пограничному начальству в случае появления вблизи наших пределов шаек хунхузов заботиться исключительно об охране нашей территории и отнюдь не допускать, чтобы наши военные отряды переходили в Китай, причем предупредить, что виновные в неисполнении сего будут подвергнуты ответственности по всей строгости законов»⁵¹. Несмотря на это в апреле 1880 г. русский отряд вновь совершил рейд на китайскую территорию. Команда 1-го Восточно-Сибирского линейного батальона под начальством поручика Мельницкого получила приказ провести рекогносцировку верховьев рек Амба-бирь, Сидими и Монгуая. Эти небольшие реки впадают с запада в Амурский залив, тогда как их истоки лежат на восточных склонах гор, образующих границу России и

Китай в этой части Приморья⁵². В долинах трех рек во второй половине XIX в. осело немало выходцев из Кореи. Весной 1880 г. несколько корейских деревень подверглось нападениям *хунхузов*. Поход отряда был ответом властей на эти грабежи, при этом командиру была дана инструкция преследовать разбойников в случае их обнаружения. В качестве волонтера к команде Мельницкого присоединился известный пионер Уссурийского края М.И. Янковский, живший на берегу Амурского залива и имевший давние счеты с *хунхузами*⁵³. Очень скоро отряд оказался на китайской территории. Это было запрещено приказом начальства, однако никакой карты местности у Мельницкого не было, а расспросы туземцев ни к чему не привели. Русские дошли до ближайшего китайского хутора Чапигоу и только там узнали, что находятся за границей. К слову, китайцы приняли визитеров очень радушно, а узнав о цели экспедиции, даже предложили поручику проводников и транспорт для перевозки отрядного имущества. 15 апреля команде удалось нагнать шайку из 17 разбойников. В перестрелке четверо *хунхузов* были убиты, пятеро получили ранения. Остальные бандиты разбежались, а русский отряд вернулся в родные пределы. Через некоторое время власти г. Хуньчуня предъявили претензию по поводу вторжения русского отряда, при этом Мельницкий был обвинен в насильственном изъятии у китайцев того, что получил в качестве помощи⁵⁴.

«Шитоулинское дело» и определенный недостаток дипломатичности, проявленный местными русскими властями в этой связи, сильно отразились на наших отношениях с Китаем. Проиграв переговоры Н.Г. Матюнину, гиринская администрация перенесла разбирательство на более высокий уровень. Осенью 1879 г. *цзянцзюнь* направил в Пекин два доклада, подробно излагавших все претензии к соседям. Русские обвинялись не только в нападении на китайский отряд, но и в многочисленных притеснениях мирных китайских подданных. До самого конца года русский посланник Е.К. Бюцов был вынужден отражать натиск китайского МИДа. 16 ноября дипломат, скрывая раздражение, писал военному губернатору Приморской области: «Позволю себе повторить здесь высказанное мною уже генерал-лейтенанту Шелашникову мнение, что если бы, по расследовании, жалобы китайцев оказались имеющими какое-либо основание, нам следовало бы немедленно же принять просимые ими меры»⁵⁵.

Разгоравшийся Илийский кризис быстро отодвинул «Шитоулинское дело» на задний план, однако, начиная с 1879 г., защита китайских подданных от противоправных действий русских в Уссурийском крае неизменно фигурирует в списке претензий Пекина к России. Упорство Китая заставило русские власти уже в 1882 г. принять решительные меры к наказанию казаков, виновных в преступлениях против «манз». Так, капитан Чебышев и 42 нижних чина 5-й Забайкальской конной казачьей сотни, обвинявшиеся в убийстве 8 китайцев на р. Патахедза в декабре 1881 г., долгое время находились под следствием⁵⁶. Казаки той же сотни Е. Гаськов и Д. Тупшинов, 5 апреля 1882 г. убившие с целью ограбления 5 китайцев в районе с. Алексее-Никольского, предстали перед военным судом и были расстреляны⁵⁷. Кроме того, во всех эшелонах российской власти была осознана необходимость срочной демаркации границ Уссурийского края. В 1889 г. дальневосточное казачество получило инструкцию, ограничившую функции поселкового ополчения обороной от нападений *хунхузов*. Преследование разбойников разрешалось только под начальством прикомандированного офицера⁵⁸. Целью инструкции было предупреждение несанкционированного перехода китайской границы и прочих самоуправных действий.

Справедливость многих претензий Китая к «северному соседу» признавал такой известный отечественный дипломат, как упоминавшийся выше А.Г. Влангали. Выступая в начале 1887 г. на Особом совещании МИД, посвященном текущему состоянию отношений с Китаем, он указывал, что «не раз удавалось добиваться полного удовлетворения за причиняемый китайцами нашим интересам ущерб, и наоборот, многие справедливые жалобы китайцев оставляемы были нами безо всякого внимания»⁵⁹. Одновременно сле-

дует отметить, что несанкционированное появление китайских военных на российской территории в рассматриваемый период было столь же обычным делом. Е.С. Бурачек, командовавший постом Владивосток в 1862 г., вспоминал впоследствии, что вооруженные маньчжурские солдаты из г. Хуньчунь доходили в Уссурийском вплоть до р. Суйфун (Раздольная). При этом они активно взимали «подати» с местного китайского населения. Помощник хуньчуньского войскового командира (*фудутуна*) с той же целью проник еще дальше — в залив Св. Ольги⁶⁰. В 1897 г. высокопоставленный чиновник Цицикарской провинции (Хэйлунцзян) Чжоу Мянй признавал, что китайские эмиссары, под предлогом преследования хунхузов, облагали уссурийских китайцев тяжелыми поборами⁶¹.

Таким образом, в период с 1869 по 1879 г. русские военные формирования неоднократно проникали из Уссурийского края на сопредельную китайскую территорию. При этом имели место как случайные заходы (обусловленные плохой оборудованностью госграницы), так и целенаправленные действия по преследованию бандитских шаек, укрывавшихся в пределах Китая. Решения о переходе границы всегда принимались на местах командирами частей, что не приветствовалось русскими властями и в конечном итоге было запрещено. Случаи проникновения китайских военных из Маньчжурии на российскую территорию в указанный период также имели место, однако о мерах властей Китая по пресечению подобной практики ничего не известно.

В последнее десятилетие XIX в. получили распространение совместные операции властей двух стран против бандитских шаек, в ходе которых русские отряды действовали на соседней территории по приглашению хозяев. Начало подобным операциям положила новая активизация хунхузов, обусловленная Японо-китайской войной (1894–1895 гг.) и ослаблением маньчжурских позиций⁶².

В 1896 г. русский посланник в Пекине А.П. Кассини получил от китайского правительства просьбу оказать содействие в борьбе с хунхузами⁶³. С китайской стороны в операции принимали участие 400 солдат и офицеров под командованием начальника Мохэских золотых приисков Чжоу Мянйя. 28 июля отряд из 25 рядовых 10-го Восточно-Сибирского стрелкового батальона под командованием поручика В.Т. Михайлова, усиленный 20 казаками станицы Венюковой под начальством атамана А.Г. Савицкого, выдержал ожесточенный бой с шайкой хунхузов, а затем преследовал ее на несколько десятков верст вглубь территории Китая. При этом погиб рядовой Т. Лапин, а рядовой Д. Вешкурцев получил ранение в ногу. Потери разбойников составили 7 чел. убитыми, еще 14 были взяты в плен⁶⁴. Отличившиеся участники боя получили от Чжоу Мянйя денежные награды, а от русского командования — 4 серебряных медали «За храбрость» на георгиевских лентах⁶⁵. 7 августа 1896 г. 40 льготных казаков во главе с начальником Козловского участка сотником А. Токмаковым атаковали хунхузский бивак на китайском берегу Уссури против станицы Васильевской⁶⁶. Шайка была рассеяна и преследовалась на 15 верст вглубь Маньчжурии. Не имея потерь, казаки убили троих разбойников и ранили пятерых⁶⁷. Еще один отряд русских стрелков 10–13 августа 1896 г. совершил переход по китайской территории от станицы Покровской до устья р. Нор (Наолихэ), однако стычек с хунхузами избежал⁶⁸. В конце августа генерал-губернатор Приамурского края генерал-лейтенант С.М.Духовской распорядился прекратить действия на китайской территории. Операция завершилась в начале сентября 1896 г. совместными облавами в китайских «слободках» Хабаровска и Имана (Дальнереченска)⁶⁹.

Под влиянием достигнутого успеха русское военное ведомство наметило на 1897 г. крупную операцию против хунхузов в Маньчжурии. Ее целью было обеспечение безопасности строителей Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД). Две роты стрелков и сотню амурских казаков планировалось перебросить в район г. Саньсин, в окрестностях которого бандиты были особенно активны. Пехота должна была следовать на пароходах по р. Сунгари, а казаки — в конном строю по суше. Отряд общей численностью свыше 700 солдат и офицеров должен был нанести хунхузничеству мощный удар и

обезопасить строителей КВЖД. Однако уже в феврале 1897 г. операция была отменена по настоянию МИД России⁷⁰. В том же году для охраны КВЖД была создана особая Охранная стража, формально носившая неправительственный характер⁷¹.

1. Подробнее см.: *Дацышен В.Г.* Русско-китайская война. Маньчжурия 1900 г. СПб., 1996. Ч. 1.
2. *Тимофеев О.А.* Российско-китайские отношения в Приамурье (середина XIX — начало XX вв.). Благовещенск, 2003. С. 64–65.
3. *Дацышен В.Г.* Очерки истории российско-китайской границы во 2-й половине XIX — начале XX вв. Кызыл, 2000. С. 165–169.
4. Определение и развернутую характеристику данного явления можно найти в следующих работах: *Надаров И.П.* Хунхузы в Южно-Уссурийском крае // Воен. сб. 1896. Т. 231, № 9. С. 183–204; *Соковнин М.А.* Хунхузы Маньчжурии // Воен. сб. 1903. № 12. С. 194–218; *Арсеньев В.К.* Китайцы в Уссурийском крае. М., 2004. С. 195–208; *Соловьев Ф.В.* Китайское отходничество на Дальнем Востоке России в эпоху капитализма (1861–1917 гг.). М., 1989; *Синиченко В.В.* Криминальная составляющая миграционных процессов на восточных окраинах Российской империи. Иркутск, 2003; *Ершов Д.В.* Хунхузы: необъявленная война. М., 2009.
5. *Кондратенко Р.В.* Маньчжурская война. СПб., 2004. С. 67.
6. *Буссе Ф.Ф.* Значение хунхузов для Южно-Уссурийского края // Голос. СПб., 1880. № 35.
7. *Арсеньев В.К.* Указ. соч. С. 197.
8. *Нестерова Е.И.* Взаимодействие русской администрации и китайских мигрантов на юге Дальнего Востока России (вторая половина XIX — начало XX вв.): исторический опыт. Дис... канд. истор. наук. Владивосток, 2000. С. 73.
9. *Ершов Д.В.* Русский флот в борьбе с хунхузами: Конец XIX — начало XX вв. // Вопр. истории. 2009. № 12. С. 54.
10. Ныне уездный город Нинъянь в провинции Хэйлунцзян.
11. *Кондратенко Р.В.* Указ. соч. С. 55.
12. *Тихменев М.Н.* Маньчжурская война // Воен. сб. 1908. № 2. С. 31.
13. Там же. С. 36–37.
14. *Тихменев М.Н.* Указ. соч. // Воен. сб. 1908. № 6. С. 68; № 7. С. 31.
15. Ныне п. Краскино Хасанского района Приморского края. В 1881 г. резиденция погранкомиссара была переведена в с. Никольское — нынешний г. Уссурийск.
16. Тихоокеанский рубеж. Из истории охраны государственной границы России в Приморье и на Тихом океане. Владивосток, 2004. С. 23–24.
17. *Тихменев М.Н.* Указ. соч. // Воен. сб. 1908. № 7. С. 44.
18. Рус. мир. СПб. 1878. № 288, 21 окт. С. 2.
19. Российский государственный исторический архив Дальнего Востока (РГИА ДВ). Ф. 702, оп. 1, д. 842, л. 43.
20. Здесь и далее — старый стиль.
21. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 400, оп. 1, д. 683, л. 2–3, 17.
22. Границы Китая: история формирования. М., 2001. С. 119–120.
23. *Тихменев М.Н.* Указ. соч. // Воен. сб. 1908. № 3. С. 45.
24. РГИА ДВ. Ф. 1, оп. 1, д. 641, л. 48.
25. *Тихменев М.Н.* Указ. соч. // Воен. сб. 1908. № 3. С. 46.
26. *Надаров И.П.* Указ. соч. С. 190. Мурень — р. Мулинхэ, впадающая в р. Уссури с левой, китайской стороны.
27. *Дацышен В.Г.* Указ. соч. С. 167.
28. РГВИА. Ф. 400, оп. 1, д. 543, л. 228об—229.
29. Там же. Л. 7.
30. Там же. Под «правыми притоками» следует понимать реки Шитоухэ и Дашитоухэ, протекающие по китайской территории к северо-западу от оз. Ханка.
31. Рус. мир. СПб. 1878. № 288, 21 окт. С. 2.
32. РГВИА. Ф. 400, оп. 1, д. 543, л. 7об—8.
33. Рус. мир. СПб. 1878. № 288, 21 окт. С. 2.
34. РГВИА. Ф. 400, оп. 1, д. 543, л. 7.

35. Буссе Ф.Ф. Указ. соч.
36. РГИА ДВ. Ф. 1, оп. 1, д. 697, л. 36.
37. Там же. Л. 36.
38. Ныне р. Раздольная (на территории КНР — Дасуйфэньхэ).
39. РГИА ДВ. Ф. 1, оп. 1, д. 697, л. 36–38.
40. РГИА ДВ. Ф. 1, оп. 1, д. 641, л. 40.
41. РГИА ДВ. Ф. 1, оп. 1, д. 697, л. 25–27.
42. РГИА ДВ. Ф. 1, оп. 1, д. 641, л. 40–41.
43. Там же. Л. 41–42.
44. Близ современного города Дуннин в провинции Хэйлунцзян (КНР).
45. РГИА ДВ. Ф. 1, оп. 1, д. 697, л. 11.
46. Там же. Л. 11.
47. Там же. Л. 13–14.
48. Там же. Л. 31.
49. РГИА ДВ. Ф. 1, оп. 1, д. 697, л. 17–18.
50. Там же. Л. 32.
51. РГИА ДВ. Ф. 1, оп. 1, д. 641, л. 48.
52. В наши дни эти реки называются Белая, Нарва и Барабашевка.
53. В 1874 г., будучи управляющим золотыми приисками на о. Аскольд, М.И. Янковский имел немало проблем с китайскими разбойниками. В 1879 г. его деловой партнер и друг Ф. Гек пострадал от нападения хунхузов, потеряв гражданскую жену и малолетнего сына.
54. Надаров И.П. Указ. соч. С. 197–200.
55. РГИА ДВ. Ф. 1, оп. 1, д. 697, л. 7–8.
56. РГВИА. Ф. 1096, оп. 2, д. 18, л. 1–101 (февр.—апр. 1882 г.)
57. РГИА ДВ. Ф. 1, оп. 1, д. 894, л. 6–7.
58. Синиченко В.В. Криминальная составляющая миграционных процессов на восточных окраинах Российской империи. Иркутск, 2003. — <http://mion.isu.ru/pub/sin/index.html>.
59. Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. 148, оп. 487, д. 1368, л. 24об.
60. Бурачек Е.С. Воспоминания заамурского моряка // Морской сб. 1865. № 10. С. 248, 252–253.
61. Дацышен В.Г. Указ. соч. С. 168–169.
62. Там же. С. 170.
63. Там же. С. 167.
64. Ювачев И.П. Борьба с хунхузами на маньчжурской границе // Истор. вестн. 1900. Т. 82, окт. С. 194–196.
65. Там же. С. 539, 553.
66. Там же. С. 540–541.
67. Дацышен В.Г. Указ. соч. С. 168.
68. Ювачев И.П. Указ. соч. С. 544.
69. Там же. С. 552–553.
70. Дацышен В.Г. Указ. соч. С. 168.
71. Сухачева Г.А. Охранная стража КВЖД и хунхузы (1897–1920) // Россияне в Азиатско-Тихоокеанском регионе: Сотрудничество на рубеже веков. Владивосток, 1999. Кн. 2. С. 112.